

АЛЕКСАНДР КЫРЛЕЖЕВ

Постсекулярное: краткая интерпретация

Разговор о *постсекулярном*¹ (post-secular) уже по морфологическим причинам подобен всем другим разговорам вокруг терминов с приставкой *пост-*. И по этой причине базовое определение термина может быть только отрицательным или соотносительным: термин прежде всего указывает на то, что пришло *после* секулярного. Но поскольку само секулярное определяется через соотношение с религиозным, рассуждения о постсекулярном предполагают обязательное удержание в сознании цепочки из трех звеньев: религиозное — секулярное — постсекулярное.

Первые два звена могут существовать и существовали (точнее, сосуществовали) и вне обозначенной последовательности, но появление третьего звена (с приставкой *пост-*) с очевидностью предполагает, что речь в данном случае идет о некоторой исторической последовательности: религиозная эпоха сменяется секулярной, а затем ей на смену приходит эпоха постсекулярная. Но как логически связать последовательность всех этих терминов? По-видимому, следует говорить о неких парадигмах соотношения / связи религиозного и секулярного.

Конечно, сама идея истории как некоего поступательного процесса для кого-то может оказаться неочевидной, поскольку существует иная, циклическая, концепция того, что происходило и происходит с человеческими обществами. Но мы в данном случае будем исходить из перспективы, в которой опознаются сменяющие друг друга в европейском пространстве-времени последних столетий исторические эпохи (скажем, Средневековье — Новое время — некая новейшая эпоха).

Первое, что нужно сказать о постсекулярном, как историческом периоде и как характерной для этого периода парадигме соотношения «религиозное — секулярное»: цепочку из трех звеньев не следует понимать по-гегелевски, как тезис — антитезис — синтез. Если первые два зве-

¹ Первая статья автора на ту же тему: Кырлежев А. Постсекулярная эпоха: Заметки о религиозно-культурной ситуации // Континент. 2004 № 120; <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>.

на обозначают именно тезис и антитезис, то третье никаким синтезом не является: постсекулярное — не некое третье позитивное качество, тем более не реставрация досекулярного религиозного. Постсекулярное — это (новая) неопределенность относительно соотношения «религиозное — секулярное».

В разговоре о постсекулярном отправной точкой является феномен секулярного, а именно революционное событие изобретения в европейском культурном контексте абсолютно нового представления о секулярном (светском) *как таковом*².

В предыдущую, религиозную, эпоху (точнее, во все предыдущие эпохи, которые все были религиозными) светское выступало как некий полюс индивидуальной и социальной жизни — наряду с религиозным как другим полюсом. (Есть светские профессии, а есть религиозные, но любая светская деятельность осмысливается с религиозной точки зрения, а религиозная так или иначе затрагивает все, что можно назвать светским.)

Мир — мир-космос и мир-социум, — понимаемый с религиозной (христианской) точки зрения, есть мир Божий, который в силу универсального по своему характеру грехопадения имеет и безбожное измерение (обозначаемое евангельским выражением «мир сей», который принципиально противостоит «Царству Божию»). Но так понимаемое мирское — это не столько секулярное, сколько *искаженное естественное* (естественное было сотворено как «добро зело» и только по причине удаления и отчуждения от Бога стало богопротивным). Иначе говоря, в досекулярную эпоху все светское религиозно в том смысле, что оно понимается в рамках именно *религиозного* взгляда на мир.

Соответственно, новизна и уникальность открытия секулярного в современном смысле состоит в том, что секулярное — это не особый аспект теории / практики и не один из полюсов миропонимания, но фундаментальная, онтологическая характеристика мира, которая обнаружилась благодаря «естественному свету Разума».

Секулярное в этом новом смысле возникло как мыслительный конструкт, описывающий космическое (природное) и социальное вне соотношения с религиозным полюсом существования в мире. Теперь природное (естественное) — это не искаженное благое творение Бога, а нейтральная данность мира, самодостаточная и потому предельная реальность, с которой имеют дело человек и люди. И опознать такое секулярное естественное может только столь же естественно секулярный разум — как часть принципиально секулярной Природы. Природа — Разум выступают здесь в качестве аксиоматической пары, ибо они конгенитальны: природа разумна, разум природен; природа видит себя в разуме, разум видит свою сущностную природность.

² См.: Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008. № 4 (67); Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. — Stanford University Press, 2003.

Парадокс этого мировоззрения и мироописания заключался в том, что введение концепта чисто природного (т.е. идея деидеологизированного понимания природной данности, мыслительное усилие по «расколдовыванию» мира, а точнее — взгляда на мир) мыслилось как возвращение к самому естеству как таковому, а на самом деле было (и не могло не быть) еще одной *концептуализацией*, по существу своему ничем не отличающейся от религиозной концептуализации мира. Потому что именование всегда есть истолкование.

Именно в силу воцарения естественной рациональности (рационального как нейтрального естественного и естественного как опознаваемого чисто рационально) все иное, и в первую очередь религиозное, теперь рассматривается как «зачаровывающее», которое подлежит «расколдовыванию» (ибо теперь рациональное принципиально противоположно мифическому как придуманному). С этой точки зрения, религия есть иррациональное, иллюзорное («опиум»), а также, в другом измерении, — властный ресурс в смысле определенной идеологии, искажающей прямое, естественное, неискаженное видение мира, за которое теперь отвечает новоевропейская наука. (И опять же натурализм секулярного не считается идеологией.)

Соответственно, религиозная рациональность (религиозная наука) отвергается как опирающаяся на иррациональные основания и /или представляющая собой иную, устаревшую и свергнутую, структуру власти. Смена религиозной парадигмы — секулярной означает вытеснение религиозного разума научным разумом, который занимает доминирующие позиции. В принципе, теперь никакого другого разума быть не может, потому что Разум гомогенен (т.е. может быть только один Разум).

Для описания этого переворота уместно обратиться к одному из пяти признаков Нового времени, о которых говорит Хайдеггер: это — обезбоживание, одним из аспектов которого является перетолковывание христианства в мировоззрение³. Новый взгляд на религиозное разлагает его на части, выделяя религиозное мировоззрение, которое ставится в ряд с другими мировоззрениями — светским, научным, гуманистическим и проч. Другой частью, которая может сопровождать это религиозное мировоззрение, является религиозная практика (весь ритуально-психологический комплекс). Кроме того, есть и властная, политическая часть нового религиозного, его социологическое измерение и проч.

Таким образом, в отношении пары религиозное — светское происходит инверсия: если раньше религиозное было универсально, а светское локально (всегда конкретно локально, будь то соответствующие властные полномочия, естественно-научные изыскания, философские построения и пр.), теперь обнаруживается универсальность светского как такового, которое *рядом с собой* (и это тоже парадокс тотальной экспансии секуляр-

³ Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. — СПб.: Наука, 2007. С. 58.

ного) выделяет особое место для религиозного (как мировоззренчески-ритуально-психологического) в качестве одного из секторов *дифференцированного* социокультурного целого.

Здесь принципиально важно, что социокультурное целое — *сущностно* секулярно, религиозное же — только специфическая *зона* (наряду с искусством, этикой, правом, экономикой, государством, спортом и проч.). Иными словами, происходит *имманентизация* религиозного, так как его претензии на трансцензус — на выход (теоретически и практически) за пределы природной данности к потустороннему основанию природного мира противоречат новому базовому представлению о том, что именно Природа, по определению посюсторонняя, и есть предельная реальность.

Место, оставленное для претензий религиозного на трансцендирование, — это сфера субъективно-личного, пространство индивидуального мировоззрения и соответствующей психологии. Это сфера абсолютного произвола. Поэтому абсолютно необходима связка секуляризм — индивидуализм.

Субъектом мировоззрения (мировоззренческой установки), психологических состояний и соответствующих жестов (ритуалов) является индивид, взятый сам по себе, в своей отдельности, а так же как социальная единица. Такому пониманию в практической плоскости соответствует принцип свободы совести и вероисповедания как элемент прав и свобод человека и гражданина.

Соответственно, все мировоззренческое, религиозное и прочее *экзотическое* (предмет субъективных предпочтений) есть частное. В то же время секулярное как естественное, то есть относящееся к научному разуму, есть всеобщее, и по определению всеобщее только таким и может быть.

Здесь опять тот же парадокс: к категории секулярного как всеобщего оказывается отнесенным и такое мировоззрение, которое считается научным (сциентизм), а также сам механизм, защищающий новое универсальное от универсалистских или иных сверхиндивидуальных претензий субъективно-частного (светское право, в том числе права человека, светское государство и т. д.).

Последнее обращает нас к другой важнейшей черте секулярной эпохи.

Появление всеобщего секулярного, которое, не уничтожая собственно религиозное, заключает его в особую охраняемую зону, в конечном свете приводит к тому, что в пространстве уже этого всецело секулярного мира возникают феномены секулярной квазирелигии — как субституты религии / религиозности в собственном смысле. Сциентизм, светские идеологии, собственно секуляризм и даже так называемая гражданская религия, как и сам культ Разума — все это квазирелигиозные образования, которые теперь выполняют посюстороннюю религиозную функцию в тотально секулярном универсуме.

В секулярную эпоху (которая есть эпоха секуляризации) происходит конкурентная борьба между религиозными религиями и светскими ква-

зирелигиями (в различных областях, таких как мировоззрение, этика, образ жизни, ритуалы и проч.). И одной из характерных особенностей секулярности является тот факт, что светские квазирелигии не опознаются как *квази-религии*, но считаются проявлением чистой светскости, а-религиозности. Их религиозная функция скрыта.

Этот момент важен потому, что говорить о переходе к постсекулярной эпохе можно только по завершении эпохи секулярной, то есть периода, когда секулярное боролось с религиозным, выступая при этом в форме квазирелигиозного. Постсекулярная ситуация складывается лишь тогда, когда в *общем* социокультурном пространстве эта борьба светского за максимальное и в пределе полное вытеснение религиозного из всех сфер, кроме приватной, заканчивается *по существу*. А заканчивается она после того, как секулярные субституты религии обнаруживают свое квазирелигиозное/мировоззренческое качество, поскольку утрачивают свой естественно-аксиоматический статус. (Крайний и характерный пример такого феномена секулярной эпохи — так называемый научный атеизм.)

Другими словами, постсекулярная эпоха наступает, когда обнаруживается истинный характер секулярного как квазирелигиозного. Когда становится ясно, что универсалистские претензии секуляризма по существу ничем не отличаются от универсалистских претензий религии. Когда претензии секуляризма на абсолютное доминирование не оправдались. И когда вопреки оптимистическому вектору секуляризации религиозное как таковое не только не исчезает, но и эволюционирует, обретая новые формы. Секуляризм не стал действительно всеобъемлющим.

Собственно, «приключение» секулярной революции заключается в том, что «религию выгнали в дверь, а она забралась в окно». И речь идет не только о светском квазирелигиозном, но и о собственно религиозном и околорелигиозном, а также о возникновении и развитии новых религиозных феноменов (религиозных инноваций, новообразований), сосуществующих с традиционной религией (религиями).

Иначе говоря, сама секулярная парадигма при всей ее репрессивности в отношении той религиозности, которая отсылала к религиозной парадигме прошлого (т. е. к такой социокультурной целостности, которая включает в себя религию — в смысле устойчивой религиозной традиции, неотъемлемой от *traditio* — общества), оказалась «культурным бульоном» для вызревания религиозности нового типа, границы которой уже невозможно обозначить, пользуясь секулярным представлением о религии как таковой. Речь идет о субъективных религиях, не претендующих на универсальную власть.

Но это еще не все: в ситуации социокультурной дифференциации (что есть иное имя секуляризации) возникает еще одна — особая, новая — зона несекулярной квазирелигиозности, не совпадающая ни с зоной культуры, ни с зоной религии как таковой, то есть известных, долгих религиозных традиций и инноваций, контрастно связанных с этими традициями. Это зона духовности (*spirituality*), не связанной с определенной религи-

озной традицией или оформленной религиозной инновацией. И основная черта этой духовности — синкретизм (синкретическое соединение собственно религиозных и нерелигиозных элементов, в том числе научных и паранаучных).

Таким образом, во-первых, постсекулярная ситуация обнаруживает старую досекулярную истину: нет религии как таковой, которую можно задвинуть в религиозное гетто; религиозное — размыто, рассеяно, диффузно.

А во-вторых, конец секулярной эпохи ставит принципиальный вопрос о том, что такое религия/религиозность в новой, постсекулярной, ситуации.

Ответ не просто неочевиден, но неизвестен, потому что: (1) секулярное представление о религии как религии (религиозное как вытесняемое в особую зону и тем самым определяемое) действенно только в рамках секулярной парадигмы; (2) досекулярное понимание религиозного нерелевантно в нынешней, *пост-секулярной*, социокультурной ситуации (ибо постсекулярное никоим образом не означает возвращения старого досекулярного религиозного).

Вопрос о том, что такое религия, остается открытым, потому что нет постсекулярного критерия, позволяющего на него ответить более или менее определенно. В каком-то смысле всё может быть религией...

Здесь уместно вернуться к Хайдеггеру, согласно которому пятое явление Нового времени — обезбожение — означает (помимо перетолковывания христианства в мировоззрение) процесс введения основания мира в качестве бесконечного, безусловного и абсолютного. Именно поэтому «обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога или богов». Переход от секулярной парадигмы к постсекулярной ситуации представляет нечто типологически подобное: это наступление состояния принципиальной нерешенности относительно бесконечного, безусловного и абсолютного основания мира, введенного в рамках секулярной парадигмы (обезбожения). Ибо квазирелигиозное (квазитеологическое) введение в качестве такого основания мира универсальной очевидности естественного Разума исторически и теоретически ограничено, то есть в конечном счете произвольно.

Теоретически религия выступает как особый взгляд на мир, или миро-описание, или миф. Религия полагает некое *основание* мира в качестве бесконечного, безусловного и абсолютного, но это основание в условиях постсекулярной ситуации не может быть никак верифицировано. В этом смысле в постсекулярности религия возвращает мифу его право на миро-описание, поскольку уже нет возможности рационально выявлять и универсально утверждать мир как некое объективное положение вещей. Просто нет верификатора — после того, как научный разум, обнаруживший свои квазирелигиозные претензии, перестал быть таковым; после того, как экзистенциальный опыт был выведен из сферы действия научного разума; после того, как наряду с научным знанием было леги-

тимировано существование так называемого вненаучного знания (будь то знание обыденное, мифологическое, художественное, философское или религиозное).

Иными словами, постсекулярная ситуация складывается, после того как становится очевидно, что и сам научный, объективный Разум Нового времени есть — *в своих последних основаниях* — миф, и ничего больше...

Мы находимся в зоне неопределенности. Мы абсолютно свободны — как в отношении религиозного разума, так и в отношении научного разума. Оба разума верифицируются только инструментально, прагматически, экзистенциально...

Ни секулярное, ни религиозное не доминирует. А потому религиозный разум может вернуться и возвращается в публичное (приличное) пространство. Религия может возвращаться всюду, куда ей заблагорассудится, а знание того, «как в этом мире все устроено на самом деле», становится одним из частных, партикулярных дискурсов постсовременности (которая в этом смысле совпадает с постсекулярностью).

Возвращаясь к началу, следует подчеркнуть: первое и основное определение постсекулярной эпохи — принципиально отрицательное. Это ситуация, которая обнаруживается после исторического отрицания предполагаемой аксиоматичности и потому незыблемости основных смыслов, претензий и пафосов новоевропейской секулярной парадигмы. Наступила смерть секулярного Бога, началась секуляризация секуляризма.

А главный вопрос — о том, каким должно быть и каким будет соотношение религиозное — секулярное на этом новом этапе европейской истории — пока остается открытым.

Именно в этом и состоит основной пафос постсекулярного.